

Гарриет
Бичер-Стоу

ХИЖИНА
ДЯДИ ТОМА
♦
АГНЕССА
ИЗ СОРРЕНТО

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б 67

Harriet Beecher Stowe
UNCLE TOM'S CABIN. AGNES OF SORRENTO

Перевод с английского
А. Рагозиной, И. Безруковой, С. Ардынской

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Иллюстрации к роману «Хижина дяди Тома»
Григория Филипповского

В оформлении романа «Агнесса из Сорренто» использованы работы
Элеанор Фортескью-Брикдейл, Джачинто Джиганте,
Жан-Поль Лорана, Леопольда Мунша, Альфреда ван Мюйдена,
Элеутерио Пальяно и Эдвина Остина Эбби.

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-23680-6

© С. Ардынская, перевод, 2024
© И. Безрукова, перевод, примечания, 2024
© Г. Филипповский (наследник),
иллюстрации, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1, В КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ ЗНАКОМИТСЯ С «ГУМАННЫМ» ЧЕЛОВЕКОМ

Под вечер холодного февральского дня два джентльмена сидели после обеда за бутылкой вина в красиво убранной столовой в городе П., штат Кентукки. Прислуга удалилась, и эти два господина, близко сдвинув свои кресла, по-видимому, весьма серьезно обсуждали какой-то вопрос.

Мы назвали их ради удобства джентльменами, но один из них, если приглядеться повнимательнее, не слишком подходил под это определение. То был коренастый мужчина с грубыми чертами лица и нахальным, самонадеянным видом, что обнаруживало в нем человека низменного происхождения, старающегося пробиться наверх. Его крикливый наряд, состоявший, в частности, из полосатого разноцветного жилета и голубого галстука, усеянного яркими желтыми крапинами и завязанного пышным бантом, вполне соответствовал его общему облику. Большие и грубые пальцы были унизаны кольцами; на толстой золотой цепочке болталась связка крупных блестящих печаток, которыми в ходе разговора он постоянно забавлялся, позвякивая с видимым самодовольством. Его неправильная речь время от времени украшалась такими пошлыми выражениями, что мы, несмотря на все наше желание быть точными в описании, не можем решиться воспроизвести их.

Зато мистер Шелби, его собеседник, имел вид настоящего джентльмена, а убранство и общий порядок его дома указывали на благосостояние и даже богатство. Как мы уже сказали, оба были заняты серьезным разговором.

— Вот как бы я устроил дело, — сказал мистер Шелби.

— Я не могу согласиться на это, решительно не могу, мистер Шелби! — возразил другой, поднимая рюмку и смотря сквозь нее на свет.

— Уверяю вас, Гейли, что Том — редкое существо и стоит этой цены: усердный, честный, толковый, он ведет мою ферму с правильностью часового механизма.

— Небось честен по-негритянски, — сказал Гейли, подкрепляя себя рюмкой коньяку.

— Вовсе нет. Том действительно добродушен, усерден и благочестив. Четыре года тому назад он присоединился к церкви на одном из религиозных собраний и, думаю, сделал это от всего сердца. С того времени я ему доверил все: деньги, дом, лошадей. Я предоставляю ему полную свободу, и он ни разу не дал мне повода усомниться в его добросовестности.

— Мало кто верит в благочестие негра, Шелби, — сказал Гейли с жестом простодушного хвастовства, — но я верю. В последней партии негров, которую я перевозил в Новый Орлеан, был один мальчик... Знаете, надо было послушать, как он молился, ни дать ни взять проповедник; и нрава он был кроткого и спокойного. Он подарил мне кругленькую сумму: я купил его за бесценок у человека, находившегося в затруднении, а потом выручил за него шестьсот долларов. Да, я считаю религию ценной вещью для негра, если только тут нет никакого подвоха.

— У Тома это вполне искренне. Прошлой осенью я посылая его в Цинциннати по моему делу: он должен был привезти мне пятьсот долларов. «Том, — сказал я ему, — я доверяю тебе, потому что считаю тебя христианином и знаю, что ты меня не обманешь». Том вернулся с деньгами, как я и предвидел. После мне передавали, что какие-то негодяи говорили ему: «Том, почему ты не отправишься в Канаду?» — «Мой хозяин доверился мне — я не хочу его обмануть», — ответил он. Признаюсь, мне очень тяжело расстаться с ним; он вполне стоит того, чтобы погасить весь мой долг, и вы пошли бы мне навстречу, Гейли, если бы у вас была совесть.

— У меня столько совести, сколько и должно быть у делового человека, — как раз достаточно, чтобы призвать ее в свидетели при случае, — шутиливо отозвался торговец. — Да вдобавок я готов сделать все на свете, лишь бы услужить друзьям; но теперь это, право, было бы для меня слишком обременительно.

И, задумчиво вздохнув, он выпил еще коньяку.

— Хорошо, Гейли, так каковы же ваши условия? — спросил Шелби после неловкой паузы.

— Ну, например, нет ли у вас мальчика или девочки в придачу к Тому?

— Нет никого, без кого я мог бы обойтись. Сказать по правде, только крайняя необходимость заставляет меня вообще согласиться на эту продажу. Я не люблю расставаться ни с кем из моих слуг.

В эту минуту отворилась дверь и маленький мальчик-мулат, лет четырех-пяти, вошел в комнату. Вся наружность его была отмечена удивительной привлекательностью: черные, тонкие, как шелк, волосы вились блестящими кудрями вокруг толстеньких щек, а большие темные глаза, полные огня и нежности и осененные густыми длинными ресницами, с любопытством оглядывали комнату. Хорошенькая, изящно сшитая, желтая с красным рубашечка подчеркивала совершенно южный характер его красоты. По забавной самоуверенности, смешанной с детской робостью, было видно, что хозяин приучил этого мальчика к дружескому обращению.

— А! Джим Кроу!¹ — сказал мистер Шелби, присвистнув и подняв вверх виноградную кисть. — Лови!

---

¹ Впервые песенка «Прыгай, Джим Кроу» была исполнена в 1828 г. Она стала настолько популярной, что вошла в обязательный репертуар уличных музыкантов, а имя из нее стало нарицательным для обозначения бедно одетого неграмотного чернокожего. — *Здесь и далее примечания к роману «Хижина дяди Тома» И. Безруковой.*

Ребенок со всех ног бросился за подачкой, а хозяин его рас- смеялся:

— Подойди сюда, Джим Кроу!

Ребенок приблизился; мистер Шелби погладил его кудрявую головку и пощекотал подбородок.

— Покажи этому господину, как ты умеешь танцевать и петь, — сказал он ему.

И малыш чистым и звонким голоском запел одну из диких и странных негритянских песен, сопровождая свое пение забавными движениями рук, ног и даже всего тела и при этом вполне попадая в такт.

— Bravo! — воскликнул Гейли, бросая ему дольку апельсина.

— Теперь покажи нам, как ходит дядя Каджо, когда он болен ревматизмом.

В одну минуту ребенок сделался безобразным; согнув спину и опершись на трость своего господина, он жалобно сморщил мордашку и пошел вокруг комнаты, хромя и отплеиваясь направо и налево, как это делают старики.

Оба джентльмена покатались со смеху.

— Теперь покажи нам, как старый Элдер Робинс поет псалмы.

Мальчик тотчас самым непостижимым образом вытянул свое круглое личико и с невозмутимой важностью затынул в нос один из псалмов.

— Ура! Bravo! Вот же смешное создание! — воскликнул Гейли. — Честное слово, это замечательный забавник. Знаете что, — вдруг сказал он, ударяя по плечу мистера Шелби, — отдайте-ка мне этого мальчика — и наше дело будет немедля кончено! Ну как, согласны? Все по справедливости!

Пока он говорил это, дверь тихо отворилась и молодая мулатка, лет около двадцати пяти, вошла в комнату.

Достаточно было перевести взгляд с ребенка на нее, чтобы признать в ней его мать: те же бархатные черные глаза, те же длинные ресницы, те же шелковистые, густые волосы. Когда она появилась, ее смуглые щеки покрывал лишь легкий румянец, но лицо ее залилось краской, как только она заметила дерзкий взгляд незнакомца, устремленный на нее с нескрываемым восхищением. Ловко сшитое платье обнаруживало красоту ее фигуры; ни изящная форма рук, ни размер ножки не ускользнули от пронизательного

глаза торговца, привыкшего с ходу оценивать достоинства подобного товара.

— Что тебе, Элиза? — спросил ее Шелби, когда она остановилась и нерешительно посмотрела на него.

— Извините, хозяин! Я искала Гарри.

Ребенок бросился к ней, показывая лакомства, которые держал в подоле своей рубашечки.

— Хорошо! Уведи его, — сказал мистер Шелби.

Она быстро скрылась, унося мальчика на руках.

— Клянусь Юпитером! — воскликнул торговец с восхищением. — Вот это товар! Вы составите на ней в Новом Орлеане целое состояние, если только захотите. Я видел, как платили более тысячи долларов за девушек, которые были куда менее красивы.

— Я вовсе не думаю наживаться на ней, — сухо возразил мистер Шелби.

И чтобы переменить разговор, он откупорил новую бутылку и попросил гостя сказать о ней свое мнение.

— Превосходно, лучший сорт! — похвалил напиток торговец.

А затем, повернувшись к Шелби и фамильярно положив руку ему на плечо, прибавил:

— Послушайте, сколько вы хотите за эту девушку? Сколько вам дать за нее? Сколько вы возьмете?

— Она не продается, Гейли, — сказал Шелби, — жена моя не расстанется с нею, даже если бы она ценилась на вес золота.

— Так-так! Женщины всегда говорят подобное, потому что не знают настоящей цены деньгам; но объясните им, сколько кружев, перьев и бриллиантов они могут купить на вес золота, — и дело тотчас примет другой оборот.

— Повторяю вам, не говорите мне об этом, Гейли; раз я сказал «нет», то так и будет, — твердо произнес Шелби.

— Ну ладно! По крайней мере, уступите мне ребенка... Согласитесь, что плата за него хорошая!

— Да что же вы хотите сделать с мальчиком?

— Один из моих приятелей занялся этой отраслью торговли, и ему нужно несколько красивых ребятешек для воспитания на продажу. Они просто предметы роскоши, задорого приобретаемые богатыми людьми. Красивый мальчик, прислуживающий за столом, докладывающий о посетителях и тому подобное, придает особый характер большому дому. Они прекрасно продаются, а этот

крошка такой забавный и вдобавок еще музыкант. Как раз то, что надо моему знакомому.

— Я предпочел бы не продавать его, — задумчиво сказал Шелби. — Как хотите, но я человеколюбив и не могу решиться отнять ребенка у матери.

— Вот оно как! Ну конечно, я понимаю, в этом что-то есть, с женщинами часто столько хлопот: будут крики, отчаяние — вообще сцены, которые я и сам ненавижу. Но я устраиваю дела таким образом, что мне почти всегда удается избежать их. Допустим, вы отыскиваете средство удалить эту девушку на некоторое время, хотя бы на неделю: тогда все проходит очень спокойно и кончается до ее возвращения. Затем ваша жена дарит ей пару серег, или платье, или какую-нибудь безделушку, и она совершенно довольна.

— Боюсь, что довольна она не будет.

— Э, боже мой, да наверняка! Вы знаете, ведь эти люди — не то что мы. Послушайте, — сказал Гейли искренним, возбуждающим доверие тоном, — говорят, что мой род торговли ожесточает сердце, но я этого не замечал. Правда, я никогда не был жесток. Я видел, как некоторые вырывали детей из рук матерей и те вопили, как безумные. Но это — плохой прием. Товар портится и иногда уже вовсе не годится на продажу. Я знал очень красивую девушку в Орлеане, которую совершенно погубили таким обращением. Человек, вознамерившийся ее купить, не хотел брать ее ребенка, а она была из тех, которые выходят из себя, когда слишком волнуются. Она не выпускала младенца из рук, кричала и производила такой шум, что было просто страшно; у меня до сих пор стынет кровь при одном воспоминании об этом; и когда ребенка унесли, а ее заперли, она пришла в буйное исступление и через неделю умерла. Чистый убыток — тысяча долларов, выброшенная только потому, что не умели обращаться с товаром как надо. Всегда следует поступать гуманно, сэр, — я вам это говорю по собственному опыту.

И торговец откинулся назад, сложив руки с видом добродетельной решимости и, вероятно, считая себя вторым Уилберфорсом¹.

Тем не менее предмет разговора, по-видимому, глубоко интересовал этого человека. Пока мистер Шелби задумчиво чистил

¹ Уильям Уилберфорс (1759–1833) — британский политик и филантроп, член парламента Британии. Активно боролся против рабства и работорговли. 12 мая 1789 г. произнес в палате общин знаменитую речь, обличающую работорговлю.

апельсин, Гейли, приняв скромный вид и как бы уступая необходимости прибавить еще несколько слов, начал опять:

— Никогда не следует хвалить самого себя, но я говорю так потому, что это — правда: все знают, что я всегда привожу на рынок самых лучших негров. По крайней мере, я слышал это даже не раз, а сотни раз. Все они выглядят сытыми и здоровыми, и никто из кушцов не терпит меньше убытков, чем я. А почему? Да потому, что я умею вести дела. Могу даже утверждать, что основой моих действий обыкновенно служит гуманность.

— Неужто? — сказал Шелби, не зная, что ответить.

— А ведь надо мной смеются за мои взгляды, меня упрекают за них. Мои убеждения непопулярны, и вы редко встретите их сторонников, но я твердо стою за них, так как благодаря им я приобрел большие выгоды. Да, сэр, мои взгляды сами за себя платят, уж поверьте.

И торговец рассмеялся своей шутке.

Примеры его человеколюбия были и впрямь так занимательны и оригинальны, что Шелби не удержался и рассмеялся вместе с ним. Быть может, вы тоже смеетесь, любезный читатель, но не стоит забывать, что в наше время милосердие облачается иногда в весьма странные формы, а современные филантропы постоянно говорят и делают самые невероятные вещи.

Ободренный смехом Шелби, торговец продолжал.

— Странное дело, — сказал он, — но я никогда не мог вдолбить этого людям в голову. Взять хотя бы моего прежнего компаньона Тома Локкера из Натчеза. Ловкий был малый этот Том, сметливый и расторопный, вот только всегда дьявольски жестоко обходился с неграми... из принципа, так сказать, потому что в душе-то он — добрейший человек; но такая уж у него была система. Я иногда говорил ему: «Послушайте, Том, зачем кричать на девушек и бить их, когда они плачут? Это смешно и бессмысленно. Что дурного в том, что они плачут? Слезы естественны, и если природа не нашла себе выхода в одном направлении, она непременно найдет его в другом. Да кроме того, Том, это портит женщин, делает их слабыми и болезненными; рот у них становится некрасивым, иногда они и вовсе дурнеют, в особенности мулатки. С ними же потом при продаже чертовски трудно сладить. Не лучше ли похвалить их, сказать им несколько добрых слов? Будьте уверены, немного гуманности принесет куда больше пользы, чем все ваши побои и угрозы». Од-

нако Том никогда не мог понять этих доводов и перепортил мне столько товару, что я должен был разойтись с ним; но делец он тем не менее первостатейный.

— И вы действительно находите свою систему лучше системы Тома? — спросил мистер Шелби.

— Смело могу это сказать, сэр. Когда является необходимость, в самых трудных случаях, я, конечно, принимаю некоторые предосторожности. Взять хотя бы продажу детей. Я всегда стою за то, чтобы удалять матерей или отвлекать их. Вы же знаете поговорку: «С глаз долой — из сердца вон»? Ну а потом, когда дело сделано и ничего уже нельзя изменить, они, естественно, покоряются. Не то что мы, белые, привыкшие к мысли никогда не разлучаться с нашими женами и детьми. Правда, хорошо вышколенные негры и думать о подобном не смеют, так что детские продажи проходят у них легче.

— Боюсь, мои в этом смысле вышколены плохо, — сказал мистер Шелби.

— Я тоже этого опасаясь; вы все, жители Кентукки, балуете ваших негров; разумеется, у вас добрые намерения, но это не идет им на пользу. Вы же понимаете, что предназначенному на продажу негру, который будет принадлежать Тому, Дику или бог весть кому еще, совсем не нужна надежда и хорошее обращение, так как несчастья и перемены покажутся ему куда более тяжкими? Я убежден, что ваши рабы растерялись бы там, где негры других плантаций поют и пляшут как сумасшедшие. Понятно, каждый считает свой образ действий хорошим, но я полагаю, что мое обращение с неграми вполне отвечает тому, какого они заслуживают.

— Счастливчик тот, кто доволен собою, — заметил Шелби, слегка пожимая плечами, что указывало на неприятное впечатление, производимое на него собеседником.

— Так как же? — сказал Гейли после некоторого молчания, в течение которого они оба лутили орехи. — Что вы скажете?

— Я подумаю и поговорю с женой, — ответил Шелби. — А пока, Гейли, если хотите, чтобы наши дела устроились мирно, не говорите ничего по соседству: если мои люди дознаются об этом, трудно будет продать хотя бы одного, уверяю вас.

— Это совершенно понятно; но я страшно занят, и дело необходимо решить как можно скорее, — предупредил Гейли, надевая плащ.

— Хорошо, зайдите сегодня вечером, между шестью и семью, и вы получите ответ, — кивнул Шелби.

Торговец вышел с низким поклоном.

«С каким удовольствием я вытолкал бы вон этого отвратительного мошенника, — сказал себе Шелби, когда дверь за посетителем закрылась. — Этот негодяй знает свои преимущества надо мною и пользуется ими. Если бы когда-нибудь мне сказали, что я продам Тома одному из этих негодяев-негроторговцев Юга, я ответил бы: „Разве слуга — собака?“ А между тем придется опуститься до этого... и с ребенком Элизы также! Мне предстоит весьма неприятные разговоры с женой из-за продажи ребенка и Тома; вот к чему приводят долги!»

Можно, пожалуй, сказать, что в Кентукки рабство носило наиболее мягкий характер. Вследствие того что главным занятием населения этого края являлось земледелие, здесь даже в страдную пору не бывало такой напряженной работы, как в других, более южных местностях. Поэтому труд кентуккийского негра был менее тяжел. С другой стороны, хозяин, который занимается медленным и постепенным ростом своего благосостояния, не имеет тех искушений стать жестоким, каким всегда подвергается слабая человеческая природа, когда надежда на быстрое обогащение имеет противовесом только интересы беспомощных и незащитных существ.

Тот, кто посетил бы некоторые плантации этого штата, действительно мог обнаружить такие свидетельства добродушной снисходительности хозяев и искренней преданности рабов, которые заставили бы его поверить в пресловутую поэтическую легенду о патриархальном строе. Но над этой картиной мирной жизни постоянно тяготеет мрачный и роковой призраок — закон. И пока закон будет рассматривать всех этих людей как *вещи*, принадлежащие хозяину, пока разорение, неосторожность или смерть лучшего из хозяев может переменить жизнь, объятую прежде добродушием и снисходительностью, на жизнь, полную безнадежности, бедствий и тяжелой работы, — до тех пор невозможно сделать что-либо хорошее даже в прекрасно управляемом невольничьем хозяйстве.

Мистер Шелби сам по себе был одним из тех добродушных и мягких людей, кто терпим к окружающим и не жалеет ничего ради физического благополучия негров своей плантации. Тем не менее он неудачно повел дела и был теперь кругом в долгах. Выдан-

ные им векселя попали в руки Гейли; этого небольшого отступления достаточно, чтобы понять разговор, который мы привели выше.

Случилось так, что Элиза, подойдя к двери, по нескольким словам, уловленным ею, поняла, что негроторговец делает ее господину предложение кого-то купить. Выйдя из комнаты, она охотно остановилась бы послушать продолжение беседы, но в эту минуту ее позвала госпожа, и она должна была поспешить к ней.

Ей показалось все-таки, что она слышала, будто торговец хотел купить ее сынишку. Не ошиблась ли она? Сердце ее сильно билось, и она невольно так крепко прижала к себе ребенка, что мальчик поглядел на мать с удивлением.

— Элиза, что с тобой сегодня, моя милая? — спросила ее госпожа, после того как молодая служанка, опрокинув кувшин с водой и рабочий столик, подала ей утренний капор вместо шелкового платья, которое она велела принести из гардероба.

Элиза задрожала.

— Сударыня!.. — начала было она, поднимая глаза, но затем, обливаясь слезами, упала на стул и зарыдала.

— Элиза, дитя мое, что с тобой? — встревожилась миссис Шелби.

— Сударыня, сударыня! Негроторговец разговаривал с господином в столовой; я сама слышала.

— Ну так и что же?

— Сударыня, что, если господин захочет продать моего Гарри? — И несчастная зарыдала еще горше, закрыв лицо руками.

— Продать? Конечно нет, глупая; разве ты не знаешь, что мистер Шелби никогда не имеет дел с негроторговцами Юга и никогда не продаст ни одного из своих слуг, пока они хорошо себя ведут? И скажи на милость, кому придет в голову покупать твоего Гарри? Ты воображаешь, дурочка, что все на свете только о нем и думают? Успокойся, милая, и застегни мне платье. Да причеши мне волосы по-новому, как ты недавно выучилась, и постарайся больше не подслушивать у дверей.

— Сударыня, ведь вы никогда не согласились бы на... на...

— Что за бессмыслица! Ты можешь быть уверена, что я этого не сделаю. Как только тебе в голову такое взбрело? Это все равно что захотеть продать одного из моих родных детей. Но право, Элиза, ты начинаешь слишком уж гордиться своим сыном. Кто бы ни вошел в дом, ты тотчас воображаешь, что дело касается его покупки.

Успокоенная уверениями госпожи, Элиза продолжила одевать ее со своей обычной сноровкой, сама удивляясь собственным недавним опасениям.

Миссис Шелби была женщина больших нравственных и умственных достоинств. К ее благородному характеру, каким часто отличаются уроженки Кентукки, присоединялось сильнейшее чувство человеколюбия и милосердия, которое она разумно и энергично умела применять на деле. Ее муж, будучи чужд религии, уважал ее веру и охотно подчинялся ее мнениям. Он предоставлял супруге полную свободу в деле просвещения и нравственного развития своих рабов. Хотя сам он никогда не помогал ей и сомневался в силе заступничества святых, однако, по-видимому, полагал, неизвестно по какой причине, что добрых дел и милосердия его жены хватит на двоих и что в конце концов врата рая откроются и для него тоже.

После разговора с работником всего более его терзала необходимость сообщить новости жене, так как он заранее предвидел просьбы и доводы, какие она противопоставит принятому им решению.

Миссис Шелби, ничего не знавшая о денежных затруднениях своего мужа и уверенная в его доброте, была вполне искренна, когда разубеждала Элизу в неосновательности ее опасений. Она не придавала никакого значения состоявшемуся между ними разговору и, уезжая вечером в гости, совершенно позабыла о нем.

Глава 2

МАТЬ

Элиза росла и воспитывалась у своей госпожи как любимое и балованное дитя. Кто путешествовал по Югу, тот мог заметить внутреннее достоинство, мягкость манер и языка, отличающие мулаток. Природное изящество часто сопровождается у них ослепительной красотой. Элиза — вовсе не плод фантазии; мы описали ее такой, какой несколько лет тому назад видели в Кентукки. Она выросла под неусыпным надзором своей госпожи, и оттого ей были чужды искушения, являющиеся столь опасными для красивой невольницы. Элиза была замужем за рабом с соседней плантации — привлекательным и разумным мулатом по имени Джордж Гаррис.

Этот молодой человек, отданный внаймы своим хозяином на соседнюю фабрику, где изготавливались мешки, выказал столько ловкости и сообразительности, что его уже считали там первым работником. Вдобавок он изобрел машину для очистки пеньки, что, с учетом происхождения и образования изобретателя, обнаруживало в нем настоящий талант механика. Джордж, юноша красивый и доброжелательный, пользовался на фабрике всеобщим расположением. Тем не менее в глазах закона он был не *человеком*, а *вещью*, и его выдающиеся качества находились под контролем глупого, грубого и жестокого хозяина. Когда этот последний услышал о знаменитом изобретении, он сел на лошадь и поехал самолично взглянуть и на свою *вещь*, и на придуманную машину.

Хозяин фабрики горячо поздравил его как обладателя подобного раба, а затем они пошли осматривать фабрику в сопровождении Джорджа, который показывал им станки. Но Джордж был так взволнован, так высоко держал голову, говорил так дельно, казался таким красивым и мужественным, что хозяин, слушая его и следя за ним взглядом, не мог не почувствовать некоторого превосходства его над собой. С какой стати этот раб будет изобретать машины, разъезжать по штату и держать голову так же высоко, как джентльмен? «Ничего, — думал он, — уж я его поставлю на место, и когда ему придется рубить дрова и копать землю, мы посмотрим, с каким независимым видом он будет делать это». В результате он потребовал плату, должную ему за наем Джорджа, и, ко всеобщему недоумению, объявил о своем намерении забрать его домой.

— Мистер Гаррис, — заметил ему хозяин фабрики, — не слишком ли поспешно ваше решение?

— А если бы и так, разве этот невольник не принадлежит мне?

— Мы готовы увеличить его вознаграждение.

— Это бесполезно; я вовсе не имею надобности отдавать внаем моих рабов.

— Но ведь он наиболее способный именно в таком занятии.

— Возможно, вот только почему-то он никогда не старался так же хорошо выполнить ни одного из моих поручений.

— Однако же он изобрел эту машину! — необдуманно воскликнул какой-то рабочий.

— Вот-вот! Изобрел машину, чтобы избавиться от работы! Не так ли? Ох уж эти негры! Для чего это, спрашивается? Разве каждый из них сам по себе не машина?

Джордж точно окаменел, услышав такое неожиданное мнение, произнесенное властелином, которому, как он знал, противиться было невозможно. Он скрестил руки и плотно сжал губы; но в груди у него бушевал вулкан, и пожиравшее юношу пламя разливалось по его жилам. Задыхаясь, со сверкающими глазами, он был уже готов дать волю своему негодованию, но добрый фабрикант, положив руку ему на плечо, произнес вполголоса:

— Погоди, Джордж, теперь поезжай с ним; мы постараемся тебе помочь.

Злодей заметил этот разговор и угадал его смысл, после чего еще более укрепился в принятом им решении проявить власть над своей жертвой.

Джорджа приставили к самым тяжелым и грубым работам на ферме. Он научился подавлять в себе каждое слово, но его молниеносный взгляд и сдвинутые брови слишком ясно говорили, что человек не может сделаться *вещью*.

В счастливый период своей службы на фабрике Джордж познакомился с Элизой и женился на ней. Пользуясь доверием фабриканта, он свободно мог отлучаться и бывать у нее. Союз этот вполне одобрила миссис Шелби, которая, с чисто женской склонностью устраивать свадьбы, с удовольствием выдала свою любимицу за человека, казавшегося достойным Элизы во всех отношениях. Бракосочетание происходило в гостиной миссис Шелби, которая собственноручно украсила померанцевыми цветами чудные волосы невесты и возложила венчальную фату на ее прелестную головку. На этой свадьбе не было недостатка ни в белых перчатках, ни в сладких пирогах и винах, ни в гостях, восхвалявших красоту невесты и доброту и щедрость ее госпожи.

В течение нескольких лет Элиза часто виделась с мужем, и счастье их омрачилось только потерей двух маленьких детей, горячо ею любимых. Молодая мать оплакивала их с таким глубоким отчаянием, что заслужила легкий упрек своей госпожи, которая с материнской заботливостью старалась удерживать страстность чувств мулатки в пределах благоразумия и религии.

С рождением Гарри грусть ее утихла, а раны сердца, примиренного с жизнью благодаря этому ребенку, понемногу зажили. Элиза была счастлива до той минуты, пока муж ее не был взят от доброго хозяина и не попал под железное ярмо своего законного владельца.

Верный своему слову, хозяин фабрики посетил мистера Гарриса недели через две после этого события. Надеясь, что гнев его утих, он попытался убедить злодея вернуть невольника к прежним занятиям.

— Бесплезно тревожить меня этим разговором, — грубо возразил тот, — я знаю, что делаю.

— Я вовсе не намерен вмешиваться в ваши дела, сэръ; я полагал только, что в ваших

интересах было бы отпустить к нам вашего человека на предложенных нами условиях.

— Я отлично все понимаю. Ваши с ним таинственные перешептывания не ускользнули от меня еще тогда, когда я брал его с фабрики; принудить меня к тому вы не можете: мы живем в свободной стране; невольник этот принадлежит мне, и я делаю с ним, что мне угодно, — вот и все!

Итак, для Джорджа исчезла последняя надежда; в будущем ему предстоял лишь грубый труд, еще более тяжкий из-за постоянных проявлений изобретательной жестокости.

Один гуманный юрист сказал: «Самое худшее обращение, какому можно подвергнуть человека, — это повесить его». Нет! Человек может подвергнуться гораздо более жестокому обращению.

Глава 3 МУЖ И ОТЕЦ

Миссис Шелби уехала. Элиза, стоя у веранды, грустным взглядом следила за удаляющейся коляской; как вдруг чья-то рука легла ей на плечо. Элиза обернулась, и радостная улыбка осветила ее прекрасные глаза.

— Это ты, Джордж? Как ты меня испугал!.. До чего же я рада тебя видеть! Госпожа уехала на весь вечер, и я свободна; пойдем в мою комнату.

Она провела его в хорошенькую комнатку, выходящую на веранду: там она обыкновенно работала, неподалеку от своей госпожи.

— До чего же я счастлива!.. Но отчего ты не улыбаешься? Почему не взглянешь на нашего Гарри? Посмотри, как он вырос!

Ребенок робко смотрел на отца, прижимаясь к матери.

— Не правда ли, он очень мил? — спросила Элиза, откидывая густые кудри Гарри и целуя его.

— Напрасно он родился на свет божий, — с горечью ответил Джордж, — и самому мне лучше бы не родиться.

Удивленная и испуганная, Элиза опустила на стул, положила голову на плечо мужа и залилась слезами.

— Элиза, моя дорогая, жестоко было с моей стороны говорить так! Бедное дитя! — нежно произнес он. — Зачем только мы с тобой встретились! Без меня ты могла бы быть счастливой.

— Джордж, Джордж, зачем ты ведешь такие речи? Случилось что-то ужасное? Или должно случиться? Ведь до сих пор мы были вполне счастливы!

— Да, мы были счастливы, дорогая.

Он посмотрел в большие черные глаза ребенка и, глядя рукой его длинные кудри, продолжал:

— Как он похож на тебя, Элиза, а ведь ты самая красивая женщина, какую я когда-либо видел, и лучшая, о какой я мог мечтать. Но — увь! — зачем, зачем нам суждено было встретиться?!

— Джордж, можно ли говорить так?

— Да, Элиза, кругом одно горе, горе и горе! Жизнь моя хуже, чем жизнь червяка. Я как будто совсем не живу. Я несчастный горемыка, без всякой надежды. Заставить тебя разделить мои беды — вот все, что я могу тебе дать. К чему после этого трудиться, учиться, стараться чего-нибудь достигнуть? Зачем жить? Нет, лучше умереть!

— О, мой милый Джордж, ты не должен так говорить! Я знаю, что ты страдал, потеряв место на фабрике, и что твой хозяин суров; но будь терпелив, умоляю тебя: как знать... Быть может...

— Терпелив? — прервал он ее. — Да разве я не был терпелив? Разве я сказал хоть одно слово, когда он забрал меня без всякой

Бичер-Стоу Г.

Б 67 Хижина дяди Тома ; Агнесса из Сорренто : романы / Гарриет Бичер-Стоу ; пер. с англ. С. Ардынской, И. Безруковой, А. Рагозиной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 832 с. : ил. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-23680-6

Роман «Хижина дяди Тома» американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896) очень быстро приобрел мировую известность и признание. Написанная в характерном для XIX века сентиментальном стиле «женской прозы», эта книга произвела грандиозный переворот в общественных настроениях, завоевав важное место не только в истории литературы, но и в культурной и политической истории Соединенных Штатов Америки. В настоящем издании роман «Хижина дяди Тома» представлен в полном виде, без купюр и пропусков, характерных для советского перевода, а также сопровождается замечательными редкими иллюстрациями художника Григория Филипповского (1909–1987).

Также в книгу вошел религиозно-исторический роман «Агнесса из Сорренто», изданный спустя десять лет после «Хижины дяди Тома». Действие романа происходит в солнечной Италии в конце XV века, во времена правления печально известного папы Александра Шестого. Прекрасная, юная Агнесса мечтает посвятить себя служению Богу, уйдя в монастырь. Однако ее красота привлекает настойчивое внимание мужчин, среди которых — молодой предводитель разбойников, отлученный от церкви, и суровый настоятель монастыря...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ГАРРИЕТ БИЧЕР-СТОУ
ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА
•
АГНЕССА ИЗ СОРРЕНТО

Ответственный редактор Кирилл Красник
Редакторы Инна Безрукова, Татьяна Шушлебина
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова, Дмитрия Кабакова
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Иван Игнатьев, Наталья Бобкова

Подписано в печать / Баспага кол койылды 08.02.2024.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 50,96. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-1LN-32634-01-R